

ГРИГОРИЙ АМЕЛИН
ВАЛЕНТИНА МОРДЕРЕР

ПИСЬМА
О РУССКОЙ
ПОЭЗИИ

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А 61

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Г. Амелин, В. Мордерер

А 61 Письма о русской поэзии. — М.: Знак, 2009. —
424 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0218-4

Данная книга, являющаяся непосредственным продолжением нашей совместной работы: Г. Г. Амелин, В. Я. Мордерер «Миры и столкновенья Осипа Мандельштама» (М.: Языки русской культуры, 2000), посвящена русской поэзии начала XX века. Имманентные анализы преобладают. Однако есть и общая интертекстуальная топика. Три главных героя повествования — Хлебников, Мандельштам и Пастернак — взяты в разрезе некоторых общих тем и глубинных решений, которые объединяют Серебряный век в единое целое, блистательно заканчивающееся на Иосифе Бродском в поэзии и Владимире Набокове в прозе.

«Письма о русской поэзии» рассчитаны на философов, литературоведов и всех, кто интересуется русской поэзией.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

*В оформлении переплета использована картина
Ирины Коневой «Цветы» (1990)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0218-4

© Г. Амелин, В. Мордерер, 2009
© Знак, оригинал-макет, 2009

Меня удивляет, как могли вы не получить моего первого письма из Англии, от 2/14 ноября 1852 года, и второго из Гон-Конга, именно из мест, где об участии письма заботятся, как об участии новорожденного младенца. В Англии и ее колониях письмо есть заветный предмет, который проходит через тысячи рук, по железным и другим дорогам, по океанам, из полушария в полушарие, и находит неминуемо того, к кому послано, если только он жив, и так же неминуемо возвращается, откуда послано, если он умер или сам воротился туда же.

И. А. Гончаров. «Фрегат Паллада»

СОДЕРЖАНИЕ

ОТПРАВЛЕНИЕ I. Платформа <i>Хлебников</i>	7
Музыка в засаде. I. Жизнь лица	9
Музыка в засаде. II. Небо вечера	25
Завет свирели	43
«Ах, князь и кнезь, и конь, и книга...»	64
Одинокий лицедей	70
Малиновая ласка	77
Орел или решка	87
Закон поколений	94
Зеркальная охота	100
Усадьба судьбы	103
ОТПРАВЛЕНИЕ II. Платформа <i>Пастернак</i>	113
Кое-что о городе и стыде	115
Rosarium	179
О зле и жезле биографий	184
ОТПРАВЛЕНИЕ III. Платформа <i>Мандельштам</i>	201
Потерявший подкову	203
Антидуриг	208
ОТПРАВЛЕНИЕ IV. Платформа <i>Набоков</i>	225
О доверии позвоночнику	227
Рождение Цинцинната	239
Встреча	270
Мон-Репо	281
Зри в камень	289
ОТПРАВЛЕНИЕ V. Смешанный состав	301
А вместо сердца пламенное <i>МОТ</i>	303

Вышел месяц из тумана	343
Заметки о метафоре	352
О ревности	355
О контрастном веществе Бродского	374
«Мир мерцает (как мышь)». Комментарий к одной цитате Мераба Мамардашвили из Александра Введенского	381
Этюд в испанских тонах	390
«За узором двойных королей...»	401
Цикута	404
Литература	409
Указатель имен	411

ОТПРАВЛЕНИЕ I

Платформа *Хлебников*

МУЗЫКА В ЗАСАДЕ. I. ЖИЗНЬ ЛИЦА¹

Заре Григорьевне Минц

О, если б Азия сушила волосами
Мне лице — золотым и сухим полотенцем.

Велимир Хлебников

На утесе моих плеч
Пусть лицо не шелохнется,
Но пусть рук поющих речь
Слуха рук моих коснется.

Велимир Хлебников

Исследователь певческих рукописей русской церкви домонгольского периода протоиерей В. М. Металлов в начале XX века подытожил: «Русская старая семиография (...) не нашла еще своего розеттского камня и остается пока мало понятной загадкой»². Сравнение с розеттским камнем не было акцидентальным сравнением ученого священнослужителя. Вторая половина XIX века была означена публикациями, для России равными расшифровкам египетских иероглифов. Открытием была возможность чтения древнерусской безлинейной нотации — так называемого «знаменного распева»³. Славянское слово «знамя» — знак, латинское — *neuma*, греческое *σήμα* (*сема*).

---

¹ Прежде два замечания самого общего свойства. Часть текстов этой книги публиковалась в интернетовском «Русском журнале», за что ему особая благодарность. Курсив везде — наш, все остальные выделения принадлежат цитируемым авторам.

² В. М. Металлов. Богослужбное пение русской церкви в период домонгольский. Ч. I, П. М., 1912. С. 339.

³ В развитии знаменной нотации выделяют три периода — ранний (XI—XIV вв.), средний (XV — нач. XVII вв.) и поздний (с середины

Занимательность интриги в том, что как только узкоспециальные знания медиевистики попали в печать, они перестали быть только наукой о богослужбном пении. Из области церковной они перешли в другую певческую страну и стали достоянием русской поэзии, всегда стремившейся к тотальному опыту и пределу возможностей. Немалую роль здесь играла особенность музыкального языка, включающего элементы тайнописи. Крюковой нотацию назвали по одному из ее основных знаков — «крюку». Одно из основных понятий знаменного распева — «Лицо».

«Лица» — это относительно краткие формулы с элементами тайнописи, когда при помощи одного знака зашифровывались протяженные мелодии. Это устойчивые, нередко весьма развернутые музыкальные обороты, записанные сокращенной условной комбинацией знаков (крюков). Главный признак «лиц» — их «тайнозамкнутость».

Впервые около восьмидесяти начертаний «лиц» и их дешифровки привел прот. Д. В. Разумовский в книге «Церковное пение в России» (1867), часть комментариев к которой были написаны В. Ф. Одоевским. В своем завершающем труде, вышедшем в 1886 году, Разумовский дал такое определение термина: «Лицо в безлинейном нотописании знаменного распева состоит из сочетания двух, трех и более знамен, из которых одно или два принадлежат к разряду знамен переменных»⁴.

Современный исследователь древнерусской нотации М. В. Бражников (1904—1973), посвятивший «лицам» и «фитам» (также кратким формулам протяженных мелодий) отдельную книгу, пишет: «Лица и фиты — это явление, на котором невольно за-

---

XVII в.). Нотация первых двух периодов пока не расшифрована. Знаменная нотация стала доступной для расшифровки, когда наряду с «крюковой» записью звуковысотной линии в рукописях начали проставлять киноварные (красные) «пометы» (буквенные), а также тушевые, черные «признаки». Имея идеографический характер, знаменная нотация содержала три типа фиксации мелодий — собственно «крюковой», «попевочный» (кокизы или лица) и «фитный» (по возрастающей сложности их мелодических формул). Самый сложный — «фитный» способ включает пространственные мелодические построения, целиком зашифрованные.

⁴ Д. В. Разумовский. Богослужбное пение православной греко-русской церкви. I. Теория и практика церковного пения. М., 1886. С. 73.

держивается глаз, когда просматриваешь рядовое знамя строки напева, и к которому прислушивается ухо, когда проигрываешь или напеваешь песнопения знаменного распева. (...) Это своеобразные мелодические “сгустки” в напеве, украшающие и обогащающие его, делающие его развитым и сложным. Разумеется, обиходное песнопение остается выразительным и в том случае, если оно не содержит ни одной фиты. Зато какой блеск приобретает знаменный напев, например, в службах праздничных или Страстной недели, с их обилием сложнейших лиц и фит, буквально нагромождающихся одна на другую!»⁵. Далее автор специально останавливается на специфической терминологии, сопровождающей эти начертания: «Сопоставим ряд эпитетов, прилагаемых к лицам и фитам: “сокровенные”, “тайносокровенные”, “таинственные”, “тайнозакрытые”, “тайнозамкненные”, “таинственное, скрытое знамя”, “мудрые строки” и “узлы”. Среди этих наименований наиболее характерным, на наш взгляд, является слово “тайнозамкненный”. Его мы и принимаем к употреблению»⁶.

⁵ М. В. Бражников. Лица и фиты знаменного распева. Л., 1984. С. 11.

⁶ Там же. С. 18. М. В. Бражников указывает на широкий, обобщающий смысл термина «лицо»: «Анализ терминологии и состава певческих азбук показывает, что термин “лицо” включает понятие начертания и понятие тайнозамкненности и трактуется весьма широко, применяясь к различным тайнозамкненным начертаниям» (Там же. С. 20). Н. Серегина, редактор-составитель книги Бражникова, в предисловии к ней пытается этимологически подойти к этому таинственному обозначению: «Термин “лицо” представляет еще большую (чем термин “фита”) загадку. Это слово славянского происхождения; разнообразные его значения могут быть суммированы применительно к нашему вопросу как “верхняя, казовая”, т. е. лучшая сторона предмета, “род”, “вид”, нечто имеющее “отличительные черты, индивидуальный облик”. Добавим также, что в нем заключается противопоставление чего-то видимого (“вид”) — невидимому, оборотному, а также части — целому (...). Сопоставляя значения слова “лицо” с музыкальным материалом, представленным в книге Бражникова, можно сделать обобщение, что термин “лицо” в певческих рукописях имеет следующие значения: 1) часть напева, особая в структурном и интонационном отношении, имеющая отличительные черты в сравнении с рядовой строкой напева; 2) особое начертание, знаковое выражение напева» (Там же. С. 7—8).

К началу XX века в России вышли уже десятки книг о богослужебном пении, а также специальные азбуки знаменного пения. Русская поэзия успешно освоила эту певческую азбуку и свободно ввела в свою гимнографию приемы сжатой тайнописи древней знаковой системы.

Стихотворение Хлебникова «Бобэоби...» — текст до прихлопа хрестоматийный:

Бобэоби пелись губы
Вээоми пелись взоры
Пиээо пелись брови
Лиэээй пелся облик
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь,
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо. (II, 36)

Никто не видел рукописи этого стихотворения, но зная иные хлебниковские контексты, можно предположить, что там было не «Лицо», а «Лице» (в словаре Даля обиходная форма — «Лице»), что точнехонько рифмуется с «цепь». Впервые текст был опубликован в сборнике «Пощечина общественному вкусу», вышедшем в самом конце 1912 года. Через год, по свидетельству Бенедикта Лившица⁷, на его исполнение с эстрады был наложен запрет. Кто

---

⁷ Мемуар Бенедикта Лившица носит таинственное название «Полутораглазый стрелец». И хотя Лившиц мимоходом объяснил, что «полутораглазый стрелец» — это мчащийся «дикий всадник, скифский воин, обернувшийся лицом назад, на Восток, и только полглаза скосивший на Запад», источник образа оставался мучительно загадочным. Лившиц был истовым коллекционером живописи и прекрасным искусствоведом, поэтому нелишне привести слова Даниловой, в книге которой повествуется о композиционном развитии портрета: «История итальянского портрета кватроченто — это история “выхода из профиля”, то есть из зависимого положения *по сторонам* — в независимое положение в центре, анфас, или, пользуясь итальянской терминологией, в положение *in maesta*. Это было очевидным симптомом повышения портрета в его композиционном и, соответственно, смысловом статусе. Как всякий разрыв традиционной матрицы, такой поворот осуществлялся с трудом, требовал напряженного усилия. Следы этой затрудненности, этого композиционного сопротивления проявляются в несинхронности поворота. В ранних непрофильных

знает, что чудилось в стихотворении привередливой цензуре, но было решено изъять, от греха подальше, эту заумную тарабарщину из и без того скандальных футуристических выступлений. (К концу девяностых стихотворение все же достигло эстрады в виде отменного зонга группы «Аукцион».)

К нашему времени «Бобэоби...» много раз представал «под острыми бритвами умных ученых», если прибегнуть к выражению самого Хлебникова. Скрупулезный анализ фонической материи стиха, а также подробный свод всех высказываний о нем самого автора и последовавших за ним исследовательских размышлений привел Максим Шапир. И пришел к итоговому выводу о сугубой незнакомости хлебниковской универсальной зауми, которая пребывает вне времени и пространства: «Таким же, вне временно-пространственного “протяжения”, вечным, обобщенным, лишенным индивидуальности (и в этом смысле — безликим) оказалось изображенное на хлебниковской “иконе” Лицо — Лицо Как Таковое»⁸.

Это, как сказал бы Вяч. Иванов, «дилетантизм психологического сыска». Никакой научности у г-на Шапира нет и в помине. Пестуемый объективизм — гвоздь в башмаке, кошмар, бобок. Весь этот неотрефлексированный вздор и обман души, прикрытый тканью ложноакадемического тела вызывают к объяснению. У Хлебникова, вне всяких сомнений, лицо, но какое? Это не абстракция, не пустое собрание губ, взоров, бровей. Здесь вообще нет противопоставления абстрактного — конкретному, идеального — реальному,

---

портретах кватроченто плечи часто развернуты почти параллельно плоскости полотна, голова изображена в три четверти — положение, которое у самих итальянцев называлось *occhio e mezzo* (буквально: один глаз с половиной, или полтора глаза), но взгляд портретируемого устремлен в сторону, мимо зрителя, словно он не может оторваться от объекта, находящегося за пределами изображения, в невидимом центре невидимого, но некогда существовавшего композиционного и смыслового целого» (И. Е. Данилова. Судьба картины в европейской живописи. СПб., 2005. С. 90—92).

⁸ М. И. Шапир. О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура) // Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. В приношение В. Ф. Маркову. М., 1993. С. 305.

времени — вечности, а движения — покою. Идеальное тоже имеет выражение. И лицо здесь не представляется в качестве суммы идей, а выражается, дается конкретно и лично, само в себе. Лицо как образ единства удерживает разнореченность портретного хора. Каждая из черт лица обладает своим собственным голосом, у каждой своя партия. Тынянов говорил о замечательной конкретности и (именно!) *реальной* картине губ, которая вся в движении. И голос этот неповторим, единственен, предельно индивидуирован. Лицо на холсте, нарисовано, но в топосе каких-то внутренних соответствий оно поет. Исполняется собою, явлено как звучащий смысл. Зримослышимое единство лика. Поэт может «созерцать время и пространство как слитное единство»⁹. Хлебников — единым слитком, одним золотоордынским щитом.

Но это невозможно льющийся голос: «Бобэоби... Вээоми... Пиээо... Лиэээй пелся облик...» Он хоть и на холсте (и чему соответствует — еще вопрос), но вне протяжения, голос длится, а лицо живет. Главное в лице — пение и жизнь, вернее, пение-жизнь. Губы, брови, глаза сами начинают выражать себя, у них теперь нет имен естественного языка, стираемых их собственным звучанием. Губы теперь не губы, а бобэоби, взор — вээоми, брови — пиээо, облик — льющийся лиэээй. Степун говорил об Андрее Белом, что у него логика фокусируется фонетикой. То же самое у Хлебникова. Звук — фокус, путь и средоточие мысли.

Итак, песнь портрета, физиогномика голоса. Прецеденты были. В «Андрее Колосове» Тургенева: «Я нахожу, господа, что весьма трудно описать чье-нибудь лицо. Легко перебрать поодиночке все отдельные черты; но каким образом передать другому то, что составляет отличительную принадлежность, сущность именно **этого** лица?

— То, что Байрон называет: “the music of the face” [музыка лица (*англ.*)], — заметил один перетянутый и бледный господин» (IV, 10).

В поэме «Абидосская невеста» Байрон, описывая красоту Зюлейки, говорит: «the Music breathing from her face» («музыкой веяло от ее лица»). К этой строке поэт счел необходимым дать примечание, в котором указывал, что это выражение находили странным, и

---

⁹ Вячеслав Иванов. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 321.

ему приходилось защищать его уместность. При этом он ссылаясь на мнение m-me де Сталь, которая в своей книге «О Германии» писала о возможности сближения музыки и живописи: «...Мы сравниваем живопись с музыкой и музыку с живописью, потому что чувства, которые мы испытываем, обнаруживают сходства там, где холодное наблюдение не видит ничего, кроме различия»¹⁰.

Здесь тоже музыка лица и даже целое музыкальное представление. Облик, распетый Хлебниковым по правилам знаменного распева, действительно иконический и тайнозамкнутый. Лицо, изображенное поэтически-певческими приемами, несет, подобно Туринской плащанице, черты Иисуса Христа¹¹. Тело лирического героя Хлебникова проходит через те же муки. Оно — на кресте собственной поэзии. Лицо же — сосредоточение тела и его предельное выражение. Как говорили в старину, лице есть немый отголосок нашего сердца¹². Более того, на холсте вселенского стихотворения проступает Имя Божие — проступает как тончайшая плоть, предельный покров, эфирная субстанция тела. И Имя не просто пропето, а бесконечно поется, льется в вечность. Агония Христа длится вечно. И мы находимся внутри чего-то, что происходит, никогда не проходя. Стихотворение ведь должно иметь конец, а здесь его... нет. Задана такая космология мира, в которой

---

¹⁰ De l'Allemagne, par M-me la baron de Staël-Holstein. T. III, Paris; Londres, 1813. P. 142.

¹¹ «Тело должно пройти сквозь крестные муки, надо стать как бы распятым Христом своего творчества, как Генрих Гейне» (*Эдмон и Жюль де Гонкур*. Дневник. М., 1964. Т. I. С. 408).

¹² «Не только взгляд, но исходное единство взгляда и слова, глаз и рта, рта, который говорит, высказывая одновременно свой голод. Лицо, следовательно, — это то, что **слышит** невидимое, поскольку “мысль — это язык”, “мыслимый в стихии, аналогичной звуку, а не свету” (цитата из Эммануэля Левинаса. — *Г. А., В. М.*). Это единство лица предшествует в своем значении рассеянию и разделению чувств и органов чувственного восприятия. Значение лица, следовательно, несводимо к чему-то иному. Лицо не **означает**. Оно не воплощает, не прикрывает, оно указывает только на себя, а не на что-то иное, вроде души, субъективности и т. п. Мысль — это слово, непосредственно являющееся лицом» (*Жак Деррида*. Письмо и различие. М., 2000. С. 154—155). Хлебников охотно согласился бы с этим, добавив, что у мысли — поющее лицо.

мир — как бы произносимая и никогда не произнесенная до конца фраза.

Обращение к богослужебной хоровой традиции вовсе не было хлебниковским новшеством. В опубликованном в 1912 году сборнике Михаила Кузмина «Осенние озера» третий раздел составляли «Духовные стихи», созданные как музыкальные тексты и одновременно изданные с нотами. И, конечно, поэтические книги теоретика соборности Вяч. Иванова «Прозрачность» (1904) и «Сог арденс» (1911) содержат тексты мистериальных хоров и псалмов. В 1905 году вышел поэтический сборник Константина Бальмонта «Литургия красоты», а в 1909-м — его «Зеленый вертоград», целиком построенный на мотивных вариациях сектантских молитв, гимнов и песен. В «Зеленом вертограде», категорически разруганном критиками, признали изумительно-прекрасным только гимн Христу («Звездоликий», 1907):

Лицо его было как солнце — в тот час, когда солнце в зените,
Глаза его были как звезды — пред тем, как сорваться с небес,
И краски из радуг служили как ткани, узоры и нити
Для пышных его одеяний, в которых он снова воскрес. (II, 447)

Воскресший Спаситель явлен ликом, что весь в звездах. Вокруг разрывы туч и гроздья пылающих молний. Перед ним — семь золотых семизвездий. Они горят, как свечи. Вопрос Откровения: «Храните ли Слово?» И дружный лирический ответ: «Храним». И семь золотых семизвездий ведут всех хранящих к пределам пустынь.

Хлебников тоже хранит верность Слову. Его «Бобэоби...» четко разделено построчно на две половины, образующие антифонарий¹³, — то, что поется в левой части, раздельноречными слогами на «о» и «э» по правилам хомонии (хомового пения)¹⁴, подхваты-

---

¹³ О подобной структуре пишет Мандельштам в «Заметках о Шенье»: «Александрийский стих восходит к антифону, то есть к переключке хора, разделенного на две половины, располагающие одинаковым временем для изъяснения своей воли» (II, 277).

¹⁴ Т. Ф. Владышевская так поясняет это явление: «Раздельноречие, хомония, наонное пение — особый вид пропевания древнерусских певческих текстов, распространенный с рубежа 14—15 вв. до середины 17 в. В России полугласные, редуцированные звуки (еры), обозначавшиеся

вается «правым хором» (или «кликком») — в современном языковом звучании.

В стихотворении Бальмонта «Противогласники» из «Зеленого вертограда» точно описано это антифонное, или попеременное пение на два лика:

Эти звоны, антифоны, в царствии Твоём,
То на правом, то на левом клиросе поём.
<...>

Два их, два их, влево, вправо, царственный полет
В нас — Твоя святая слава, голос Твой поет.

Ранним утром дух восходит в высь по степеням,
Вправо, влево, ходит, бродит, водит путь по дням.
<...>

Всходы лестниц, в той дороге, разные всегда,
То обрывны, то отлоги, восходит череда.

Все же восходит, путь находит череда молитв,
В двоегласьи, в двоечасьи битв, смертей, ловитв.

И от юности нас борют страсти, тьма — их счет,
Но во всех — Твоя есть воля, голос Твой поет... (II, 408)

И у Хлебникова тоже — Его голос. Можно даже привести бытующий текст церковного песнопения, где есть точная калька огласовки «бобэоби» — «гро-бе-о-би-таеши Иисусе Царю» или указать, подобно Чуковскому, на строки из «Песни о Гайавате»

буквами **ѣ** и **ь**, были заменены звуками **о** и **е**. К 15 в. сформировались специфические особенности раздельноречных певческих текстов, которые стали отличаться от истинноречных текстов: дньсь — денесе, съпась — сопасо. Другое название раздельноречия — хомония — произошло от частого употребления глагольных форм прошедшего времени, оканчивающихся на “хом”. Термин “наонное” пение означает пение на “о” (буква в церковно-славянской азбуке, называвшаяся “он” и также заменившая собой **ѣ**, **ь**). В середине 17 в. раздельноречие подверглось критике. В 1655 была созвана комиссия дидаскалов (церк. учителей) для исправления текстов “на речь” <...>. Раздельноречие поныне сохранилось в пении старообрядцев-беспоповцев» (Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990. С. 450).

«Минни-вава — пели сосны, Мэдвэй-ошка — пели волны»¹⁵, — такие примеры верны, но недостаточны. Плодотворны не описки областей заимствования, как бы ни были они привлекательны, а ответы на вопросы: зачем производятся эти захватнические набеги и как дальше пользуется поэт этими богатыми трофеями?

Без преувеличения можно сказать, что Хлебников развивает собственную поэтическую практику, осваивая сами принципы церковного музыкального письма. Подобно «лицам», в сжатом виде передающим протяженные музыкальные фразы. Сперва мотивы развиваются в отдельных, развернутых стихах. В последующих текстах мотив используется, сжимаясь до фразы, строчки, иногда слова или даже словообразования, включающего несколько слов, что и дает так называемые «неологизмы». Стихотворение становится похожим на конгломерат, горную породу, состоящую из спрессованных клише, обломков разного цвета и фактуры. Отсюда излюбленный хлебниковский образ «каменной бабы», которую он произвольно лепит из лабрадора, черного камня с синими подмигивающими глазками — «и синели крылья бабочки, точно двух кумирных баб очки». Так накопившийся поэтический опыт создает стихи-лица, со своей внешней структурой и тайными внутренними сцеплениями. Затем кирпичики-стихи, пригнанные друг к другу, выстраиваются в здание «сверхповести». Получается уже не плоскостное лицо, а огромная объемная голова, как в пушкинской поэме.

Свою гигантоманию поэт ощущает и объясняет просто — получив по праву рождения имя Хлебников, он осознает себя и прорастающим зерном, и колосом, и колосом одновременно (сим-

¹⁵ М. Л. Гаспаров. Считалка богов. // В мире Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 289, 807. Рефлекс заушной речи, сопоставимый с хлебниковским экспериментом, мы встречаем в «Похождении подпоручика Бубнова» Тургенева (указано Р. Тименчиком). Главному герою является черт, представляющий свою внучку по имени «Бабебибобу»: «Из соседней комнаты вышла чёртова внучка. (...) Иван Андреевич поклонился и шелкнул шпорами.

— Как вы ее называете? — спросил он чёрта.

— Бабебибобу'ой, — отвечал чёрт.

— Бабеби... и так далее — не русское имя, — заметил подпоручик.

— Мы иностранцы, — возразил дедушка Бабебибобу'и...» (I, 408).